

В Я Ч Е С Л А В

П Р А Х

ДЕТЕКТИВНОЕ
ТРИО

ХРАМ *мотыльков*

ПЕСНЯ *мертвых птиц*

ОН УМЕЛ *касаться*
женщин

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П70

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Екатерина Андреева*

Внутреннее оформление — *Юлия Анищенко*

Праха, Вячеслав.

П70 Детективное трио: [сборник романов] / Вячеслав Праха. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 432 с. — (Вячеслав Праха. Коллекция).

ISBN 978-5-17-155262-6

Трио психологических детективов Вячеслава Праха — это паутина загадок, интриг и тайн, умело переплетенных между собой. Когда вам начинает казаться, что все уже понятно, будьте уверены — вы попали в ловушку!

В центре событий — психиатрическая лечебница. Однажды туда приезжает многоопытный доктор Браун, чья компетенция тут же подвергается сомнению, ведь ему приходится вступить в опасную игру с неожиданным условием — установить личность пациента, о котором не известно ничего... В клинике начинают происходить необъяснимые вещи, появляются и трагически исчезают странные пациенты. В конце концов во все это вынужден ввязаться сам директор больницы, ибо на кону стоят жизни двух девушек, похищенных серийным убийцей по кличке Сомелье. Но разгадки мрачных тайн не спешат объявиться на свет, ведь они кроются в прошлом каждого вовлеченного в игру человека...

В сборник входят три романа: «Храм мотыльков», «Песня мертвых птиц», «Он умел касаться женщин».

Психологические драмы-триллеры Вячеслава Праха — пронзительное сочетание лирики, детектива и интеллектуальной прозы. Это книги о демонах, которые живут внутри нас.

УДК 821.161.1-312-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155262-6

© Праха В., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вячеслав Прах — один из самых талантливых современных писателей. Известность ему принесли нашумевшие и любимые тысячами читателей книги «Женщины созданы, чтобы их...». Общий тираж бумажных изданий автора почти полмиллиона экземпляров. Каждый его новый роман разбирают на цитаты, которые разлетаются по всему интернету. Невероятный стиль и тонкое понимание человеческой природы не оставляют равнодушным никого!

Содержание

Храм мотыльков
5

Песня мертвых птиц
153

Он умел касаться женщин
297

мотыльков

ХРАМ

ГЛАВА *первая*

— Он называет себя Ричардом Ло. Не совсем уверен, что это его настоящее имя. Впрочем, вам придется самому это выяснить, доктор.

— Это все, что вы мне можете сообщить о моем пациенте?

Фредерик Браун, психиатр с двенадцатилетним стажем, улыбнулся миниатюрному человеку в очках, своему пожилому коллеге, смотревшему на него с неподдельным любопытством. За толстыми стеклами очков можно было рассмотреть насмешку в маленьких хитрых глазах.

— Он заявляет, что владеет гипнозом, и я бы не советовал вам, уважаемый доктор, снимать повязку с его глаз.

— Хорошо, — ответил человек, которому были не слишком интересны особенности его нового пациента, можно даже сказать — подопечного и будущего друга. В этом заключался метод Брауна — становиться другом для своих пациентов.

Фредерик взял пустую историю болезни Ричарда Ло, попрощался со своим низкорослым коллегой, психиатром Стенли, и отправился в палату, находившуюся на последнем этаже четырехэтажного здания, которое люди не привыкли посещать по своей воле.

— Посмотрим, — пробормотал себе под нос специалист в области познания и изучения человеческой души. Доктор Браун был уверен в себе, как и всегда. Особую радость ему доставляло знакомиться со своими пациентами, раскрывать их, как закрытую тонкую тетрадь, и вносить в их размеренную, удивительную жизнь свой собственный почерк. Ему казалось, что он подобен Богу, когда в его руках оказывалась хрустальная человеческая судьба, которая не способна была ему противостоять. Да и есть ли особый смысл в противостоянии со стороны

его нового увлечения, его новой куклы, жертвы, которая зацепила лишнюю прядь и угодила в его паутину? Есть ли смысл в сопротивлении жалкой мухи, когда в роли ее противника выступает паук? Нет, конечно, доктор Браун не видел в отражении зеркала паука, ведь он был человеком науки, заложником душевных болезней своих открытых тетрадей. Никогда мужчина, направлявшийся к одиночной палате, расположенной прямо у зеленой деревянной лестницы, по которой он поднимался, с которой можно было запросто прыгнуть головой вниз и разбить вдребезги хрусталь тела, жертва психических расстройств своих больных, не признавал себя хищником. Лишь добычей, которую можно засунуть в горло зверю, но невозможно проглотить. Высокий, статный, Фредерик Браун был подобен хирургу, для которого человеческое тело — это его органы и их жизнедеятельность. Но в отличие от вышеупомянутого специалиста его еще интересовала душа, из которой было не так просто отсечь все лишнее... Доктор Браун, тридцатидевятилетний мужчина с военным прошлым и небольшой залысиной на затылке, которую он пытался так усердно скрывать изо дня в день, зачесывая свои волосы назад, знаток человеческой сущности — поэт, не иначе, знал, что главный инструмент в его работе — это не аппарат электроконвульсивной терапии (ЭКТ), а всего-навсего — губы, вернее, слова. Только словом можно исцелить неизлечимое — так думал он на протяжении уже двух десятков лет. И чаще всего ему это удавалось.

* * *

— Здравствуйте, Ричард, — громко сказал вошедший в комнату доктор и на мгновение застыл на месте, чтобы внимательнее рассмотреть сгорбленное подобие человека, сидевшее в самом конце палаты у стены.

— Добрый вечер, доктор, — прозвучало с полным безразличием в ответ.

— Позвольте мне у вас спросить, — осторожно сказал Фредерик, подходя ближе к жалкому существу в плотно завязанной смирительной рубашке, с темной повязкой на глазах. Недалеко от Ричарда Ло стоял стул.

— Спрашивайте, — ответил мужчина лет сорока — сорока трех, судя по состоянию кожи шеи и морщинистому лбу. В истории болезни не был указан его возраст.

Исследователь подошел к свободному деревянному стулу, стоявшему в середине комнаты, и присел на него.

— Откуда вы узнали, что сейчас вечер? В вашей комнате нет окна, а если бы и было, то вряд ли бы вам удалось в него заглянуть.

— Хорошее замечание, доктор, я думал, вы пропустите мимо ушей. В моей комнате нет окна... — улыбнулся Ричард Ло. — Вы заблуждаетесь, человек, разговаривающий со мной любезно! Вы заблуждаетесь еще сильнее, если думаете, что я не могу в это окно посмотреть.

— Я был бы вам признателен, Ричард, — аккуратно продолжал доктор Браун, который всей душой хотел помочь своему собеседнику, вылечить его и навсегда оставить в пыльном прошлом; утаить в самом укромном уголке себя — не человека, Ричарда Ло, которого он однажды вылечил, не такую банальность, как его недуг, а себя, победившего в тысячный раз, победившего неподдающееся, излечившего неизлечимое, пронесшего свет через тьму и зажегшего этот свет во тьме! Но на данном этапе лечения Фредерик хотел своего пациента всего-навсего открыть. История болезни — это еще не сам пациент. Не его прошлое. Не его демоны.

— Можно вас называть Ричардом?

— Как вам будет угодно, доктор. Вы здесь — главный.

— Хорошо. Я был бы вам благодарен, Ричард, если бы вы рассказали мне о том, как отличаете день от вечера. А утро — от ночи. Или ваше заявление о том, что сейчас вечер, — это был выстрел наугад?

Доктору показалось, что на лице его пациента бегло проскочила эмоция, но из-за повязки Браун не смог ее считать, лишь предположил, что это было удивление.

— Что значит — выстрел наугад, доктор? Я бы хотел, чтобы вы представились. Мне очень неудобно разговаривать с человеком, имени которого я не знаю.

— Меня зовут Фредерик Браун. Я — тот, кто вам может помочь. Собственно, потому я и здесь, как вам уже известно.

Вы удовлетворены, Ричард? Если да, то прошу вас ответить на мой вопрос.

— Я удовлетворен, доктор, — сказала сторбленная, обессиленная муха, которая уже дней сорок как перестала сопротивляться паутине, но еще не подохла. Фредерик не мог понять, за что с его собеседником так жестоко обошлись, лишив возможности ходить, ползать, шевелить руками, даже видеть, при всем этом в комнате было невыносимо душно. Сколько его уже не мыли — неделю, две?

— Я с радостью готов ответить на ваш вопрос, — продолжил Ричард Ло, — если вы напомните мне, каков снег на ощупь. Я, к большому сожалению, лишен возможности его потрогать на данном этапе своей жизни. Насколько я знаю, сейчас за окном метель.

Доктор Фредерик секунду помолчал, а затем решил уступить пешку на шахматной доске.

— Я не знаю, каков снег на ощупь, Ричард, я его давно не трогал. Это имеет значение для вас?

И вправду, доктор Браун каждый зимний день слышал, как под подошвами его дорогих и теплых сапог хрустит сугроб, чувствовал, как ледяная снежинка залетает в то место, где шарф плохо прикрывает шею. Как белая ледяная консистенция, будучи когда-то самой обыкновенной водой, тает у него на носу и на ладонях, когда он снимает перчатки. Боже, какая ерунда. Кто о таком думает вообще?

— Имеет, — тут же ответил Ричард Ло. — Мы с вами не в одинаковом положении, доктор, но вы, как и я, лишены возможности потрогать снег.

Фредерик, глаза которого были полными тьмы, карими, улыбнулся про себя, но ничего не ответил. «Разве я лишен возможности потрогать снег? Нет, не лишен. Этой возможностью я пренебрегаю по собственному желанию в отличие от вас!» Наступила небольшая пауза, а затем Ричард Ло, не услышав ничего от доктора Брауна, продолжил:

— Как я отличаю день от ночи? Это очень просто, и мне придется вас разочаровать, если вы имеете, конечно, фантазию, доктор, и ваше воображение уже выдало невероятные версии

на этот счет... Я спросил об этом у своего личного санитаря Гарри за несколько минут до вашего прихода. Он навещает меня куда чаще, чем Мессия навещал иудейский народ. Он приходит по несколько раз на дню, я его узнаю по его личному, неповторимому запаху. Знаете, такой аромат дешевого сильного одеколона, которым пользовались еще наши деды в своей забытой молодости. Мы с Гарри иногда разговариваем, когда он приносит мне еду. Мы говорим с ним о многом...

— Например? — спокойно спросил доктор.

— Например, о том, что если бы у всех людей души были здоровыми, а сознание — абсолютно цельным, то вы бы лишились своего хлеба, доктор Браун. Ваш хлеб — сладкий или горький? Получаете ли вы истинное удовольствие, разговаривая с такими, как я?

— Я делаю свою работу, — спокойно и уверенно ответил ему Фредерик и перевел взгляд на свои часы. Была уже четверть девятого, ему, примерному семьянину и главе семьи, нужно было еще успеть забрать свою прелестную супругу и сына из театра.

— А я получаю наслаждение, доктор, общаясь с такими, как вы. Именно поэтому я и здесь.

— Вы пришли сюда по своей воле, Ричард? — спросил Браун просто так. Конечно же, сюда никто не приходит по своей воле. Судя по их беседе, доктор давно уже понял, что его новый друг не совсем еще потерял рассудок и даже обладает некими остатками ума, которые ему сохранили другие доктора, решившие не лечить своего странного гостя током.

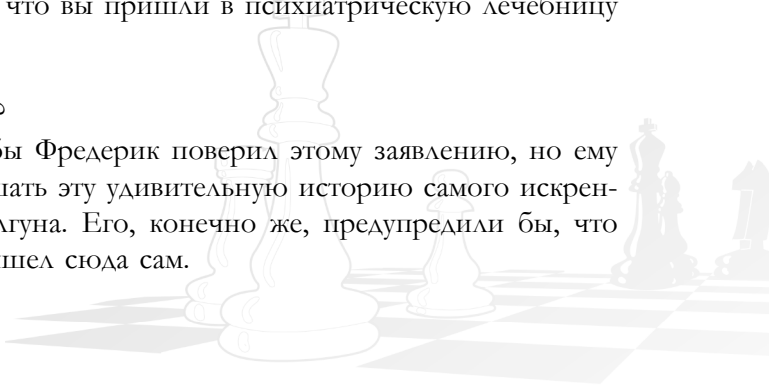
— Да.

— Прошу прощения. — Фредерик не поверил своим ушам и совсем не был готов к такому повороту событий. — Правильно ли я понял, что вы пришли в психиатрическую лечебницу по своей воле?

— Верно.

— Почему?

Не то чтобы Фредерик поверил этому заявлению, но ему хотелось услышать эту удивительную историю самого искреннего на свете лгуна. Его, конечно же, предупредили бы, что Ричард Ло пришел сюда сам.

— Я пришел, потому что мне хотелось получить у вас работу, согласитесь, что общаться с людьми моего теперешнего ранга — неописуемое наслаждение, а еще и полагать, что их можно вылечить, — верх всякого блаженства и самонадеянности. Но вместо того чтобы взять меня на самую скромную должность, скажем, хотя бы санитаром, как Гарри, меня приписали к больным. Не самый приятный поворот, правда, доктор? — ухмыльнулся Ричард Ло.

Фредерик не мог составить четкий портрет своего собеседника — он знал о нем слишком мало, практически ничего.

Ни один мускул на лице психиатра не дрогнул. Доктор не нашел в словах больного ничего забавного и решил перевести разговор в другое русло. Где нет лжи, а только факты и правда.

— В вашей истории болезни указано, что вы владеете гипнозом. Расскажите мне об этом.

— Снимите с меня повязку, доктор.

Эта странная просьба должна была быть проигнорирована специалистом в области исследования тюрем и плохо освещенных темниц, куда люди попадали против собственной воли, так как снять повязку с глаз того, кому надели эту повязку другие, зная о нем куда больше, было бы неуместно и даже опасно. Фредерик не мог позволить этому человеку взглянуть на комнату, плохо освещенную желтым тусклым светом, от которого быстро устают глаза, на деревянный стул, бетонный пол под ногами и небольшой деревянный столик, на котором стояла ваза с искусственным цветком — тюльпаном с розовым бутонем. Он не мог позволить своему пациенту взглянуть на все это, а уж тем более — в собственные глаза. Доктору Брауну было известно о Ричарде Ло только то, что у него обнаружено острое психическое расстройство. Почему ему предоставили так мало информации?

— Что будет, если я сниму с вас повязку, Ричард? — спросил доктор прежним спокойным голосом.

— Я смогу доказать вам, что не болен.

— Так докажите мне это с повязкой, Ричард. Человеку, чтобы доказать, что он здоров, необязательно видеть тусклый свет этой комнаты или мои глаза.

— Вы ошибаетесь.

— Почему?

— Потому что у вас темные глаза, доктор. Потому что ваш неряшливо завязанный серебристый галстук слишком давит на мои глаза.

Фредерик затаил дыхание и услышал стук своего сердца. Не в ушах, а изнутри, словно из пустой коробки, раздавался грохот. Браун всем телом почувствовал, как взгляд сторбленного человека обшаривает его со всех сторон. Или это доктору сейчас показалось, а на самом деле больному о цвете его глаз и галстуке рассказал санитар Гарри, с которым они иногда ведут разговоры по душам.

— В вашей повязке есть щель, сквозь которую вы видите меня?

— Я думаю, что нет.

Доктор встал со стула и направился к выходу. У двери он остановился и постучал. За ней послышался низкий мужской голос.

— Доктор Браун? Чем я могу вам помочь?

— Зайдите, Гарри.

Дверь открылась, и в комнату, обитую плотным слоем ваты, вошел невысокий худой мужчина. Первое, что заметил доктор, окинув беглым взглядом санитаря, — тремор рук и нерешительность во взгляде.

— Будьте добры, Гарри, принесите плотную темную повязку.

— А в чем дело, доктор?

— В повязке моего пациента есть щель.

— Но, доктор... На нем самая плотная повязка, — сказал осторожно санитар, словно оправдываясь и извиняясь. Доктору Фредерику показалось, что Гарри над ним издевается.

— Как это понимать?

— Меня вчера просил принести новую повязку доктор Стенли. У меня других больше нет.

— Вот, значит, как... Решили мне устроить сюрприз... Ну, хорошо. — Доктор о чем-то глубоко задумался, а затем сказал: — Не смею вас задерживать, Гарри. Можете возвращаться к работе.

— Хорошо, доктор Браун.

— Гарри... — врач снова его остановил. — Сделайте мне маленькое одолжение, — сказал он шепотом, чтобы эти слова

не услышал Ричард Ло. — Не сообщайте, пожалуйста, моему пациенту, день на дворе или ночь.

— Как скажете, — послушно кивнул санитар, который не мог дождаться, когда же его наконец отпустят пить свой вкусный травяной чай.

— Ступайте.

Дверь закрылась, и доктор медленно направился к необычайно любопытному экземпляру, сидевшему в нескольких шагах от пустого стула, который уверенно занял Браун. Теперь воображение Фредерика начинало выдавать самые невероятные и удивительные версии, почему с Ричардом Ло так негуманно обошлись, лишив всяких человеческих привилегий. «Глоток свежего воздуха — это тоже привилегия», — почему-то пришло на ум доктору Брауну.

— Расскажите мне, Ричард, почему вы хотели лечить людей с такими странными заболеваниями? Ведь есть масса других специальностей в иных областях медицины.

— Вы очень любезны и обходительны со мной, доктор Фредерик. И, несомненно, я очарован вами, — сказал человек, который явственно видел его перед собой, несмотря на плотную повязку.

— Что? — в недоумении спросил доктор.

— Вы научились полностью управлять своими эмоциями, не давая им сбросить себя с седла на скаку. Чего, к сожалению, не удалось моему предыдущему собеседнику — доктору Стенли.

— Я так и подумал...

— Почему вы не спросили у меня, как мне удастся видеть сквозь толстый слой ночи ваше лицо?

Доктор задумался.

— Мне кажется, Ричард, что ваш ответ сможет сейчас полностью удовлетворить мое любопытство, но я здесь, чтобы вам помочь. И я готов играть в вашу игру. Мне совсем не важно, воспринимаете вы меня как своего врага, соперника или друга, я помогу вам, несмотря ни на что! И в первую очередь, — доктор снова взглянул на часы и понял, что ему уже пора, — в первую очередь, Ричард Ло, мне предстоит собрать пазл вашего «Я» с самого начала, а не с конца.

— Вы любите головоломки, доктор?

— Нет.

— А я люблю их создавать. Знаете, такие абсурдные ситуации, которые заставляют человека ломать голову, пытаюсь найти ответ.

Лицо Фредерика было по-прежнему невозмутимым и спокойным. В своей практике ему доводилось видеть и слышать всякое.

— Ричард, я бы не советовал вам озвучивать многие вещи, если вам хочется как можно скорее покинуть эту комнату. Или хотя бы пошевелить пальцами руки. Ваши руки сильно затекли, верно?

— Даже не представляете как.

— Почему вы не скажете этого мне или доктору Стенли?

— Я не привык жаловаться.

Фредерик был заинтересован этим незаурядным случаем и при других обстоятельствах задержался бы здесь подольше, но в данную минуту он этого позволить себе не мог.

— До встречи, Ричард, — сказал доктор Браун и встал со стула. А затем резко поднял правую руку перед собой и быстро спросил.

— Сколько пальцев вы видите?

— Два, — после небольшой паузы отозвался Ричард Ло.

Фредерик и вправду показал своему собеседнику два пальца.

— До встречи, доктор. Надеюсь, вскоре вы сможете уделить больше времени для изучения моего мира.

— В каком цвете вы видите свой мир, Ричард?

— В таком же цвете, что и вы.

— А как вы думаете, в каких тонах вижу мир я? — спросил доктор у своего пациента.

— Задайте себе этот вопрос, а не мне.

Ричард Ло замолчал и неуклюже повалился на правый бок, так что его голова легла на холодный пол. Фредерику показалось, что он сразу же уснул.

«Если с ним обошлись, как со скотом, значит, он этого заслужил», — снял со своих плеч груз ответственности доктор Браун перед тем, как уйти.